

Л.И. Журова

Институт истории СО РАН, Новосибирск

Путь и движение в сюжете сказаний об иконах
(к вопросу о христианской символике воды и воздуха)

Аннотация: Многие сюжеты средневековых сказаний об иконах основаны на мотиве путешествия сакрального предмета. Разграничивая понятия «путь» и «движение», можно определить особенности функционирования этих концептов в построении легендарных сюжетов. Поставлен вопрос о христианской символике воды и воздуха.

Many medieval stories about icons are based on the motif of a sacral object journey. Delineating conceptions of «path» and «move», it is possible to define functionality features of these concepts in the legendary plots composition. In the paper a question is raised about the Christian symbols of water and air.

Ключевые слова: сказания об иконах, путь и движение, сюжет, Римская, Иверская, Тихвинская, Владимирская, Толгская, Абалацкая иконы, библейский текст, символ воды, стихия воздуха.

Stories about icons, path and movement, plot, Roman, Iver, Tikhvin, Vladimir, Tolga, and Albatskaya icons, biblical text, water symbol, elements of air.

УДК: 821.161.1

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИИ СО РАН, сектор археологии и источниковедения. Тел. (383) 3303671. E-mail: zhurova@ngs.ru.

Классический сюжет паломничества – хождение к святым местам – строился на описании пути странника в Палестину, и целью поездки было желание человека «видеть своими очима» сакральные объекты и найти ответы на «вечные» вопросы [Данилов, 1962, с. 28–29; Книга, 1984; Малето, 2000; Опарина, 2002, с. 146]. Хождение иконы, которое отличается от литературного путешествия тем, что в нем внимание обращено к «предметам наивысшей духовной ценности» [Левшун, 2009, с. 367], имело обратный вектор. «Отшествие» Образа Богородицы из Святой земли стало в путешествии иконы смысловой отправной точкой, которая не всегда была отмечена в сказаниях, но скрытно в них присутствовала и хранилась в культурной памяти христиан. «Пришествие» (как обозначено в сказаниях) иконы в иные земли интенционально направлено на демонстрацию силы христианской веры (чудо от иконы – обязательный элемент сюжета), на «прикрепление» новозаветных идей к широким территориям (на месте явлений икон строились храмы), на укрепление веры сомневающимся и обращение неверующих (в сценах сретения святыни, как правило, участвует множество народа). Одним словом, «прихождение» иконы – знаменательный в жизни общества акт, суть которого состоял в просветлении разума человека и освящении места его обитания.

История прихода (пришествия) икон на Русь берет начало со времени Крещения Руси и связана со святынями Византии [Журова, 2013]. В инвариант пути: Святая земля – Святая Русь – укладываются практически все хождения богородичных икон. Их историко-мифологические связи со Святой землей, модус Пале-

стины, конституированный в культуре паломнических хождений, вписаны в литературную традицию странствований богородичных образов и положены в концептуальную парадигму легендарных сказаний о чудотворных иконах.

Как помощь во исполнение завета Христа, в котором указан путь спасения человека: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин 8: 12), – построены чудесные «действия» сакральных образов. Огненный свет излучали явившиеся иконы. «Следы» их путешествий проходили по воде, воздуху, земле. Средневековый человек, который по сути был еще двоеверцем, по-особому ощущал пространство земных стихий, и чудесные события, с ними сопряженные, он воспринимал как знаковые. Хождение иконы было наполнено смыслами, раскрыть которые пытались средневековые сказания, представляющие собой литературную экспликацию передвижения святыни и ее «встречи» с человеком.

Явление Спасителя: «Сей есть Иисус Христос, пришедший водою...» (1 Ин 5: 6) – «открывает» маршрут для хождений святынь. Водная стихия в библейской мифологии: «...Вначале словом Божиим небеса и земля составлены из воды и водою» (2 Петр 3: 5) – основа жизни и освященная среда для странствований. Еще один характерный контекст, позволяющий уяснить семантику христианского концепта «вода», видим в евангельской сцене: «И опять начал учить при море; и собралось к Нему множество народа, так что Он вошел в лодку и сидел на море, а весь народ был на земле, у моря» (Мрк 4: 1). Безусловно, с «водой» сопрягается мотив ловли рыб и ловцов (Ин 21: 4–13), знаменующий обращение людей в веру. Таким образом, у воды, источника жизни, человек постигает истину спасительной веры. В пространстве морей спасаются иконы, воплощающие собой дух веры. Иконы «встают» на воде, шествуют «прямоходно», «восходят на руки» благочестивых обретателей, и эти движения «оживотворяют» образ и делают его персонажем церковных преданий.

Тип «путь по воде» известен в истории сказаний о первых византийских иконах, нерукотворных или писаных евангелистом Лукой. Стихия воды в новозаветном тексте имеет семантику, отличную от ветхозаветных преданий¹. Специфика апостольского концепта воды четче просматривается на фоне пророческих образов, основной смысл которых заключен в положении: вода есть наказание; это и Всемирный потоп, и бурные потоки, и волнуемое море, например: «Так говорит Господь, Который дал солнце для освещения днем, уставы луне и звездам для освещения ночью, Который возмущает море, так что волны его ревут; Господь Саваоф – имя Ему» (Иерем 30: 35); «Я Господь, Бог твой, возмущающий море, так что волны его ревут; Господь Саваоф – имя Его» (Исайя 51: 15). Грозная стихия воды в ветхозаветных текстах «усмирена» христовой верой в новозаветных сюжетах, один из примеров тому рассказ Матфея: «И говорит им: что вы так боязливы, малoverные? Потом, встав, запретил ветрам и морю, и сделалась великая тишина. Люди же, удивляясь, говорили: кто это, что и ветры и море повинуются Ему? (Мф 8: 26–27).

Сюжет Сказания о Римской, или Лиддской, иконе [Жития, 2001, с. 341–345]², связанный с эпохой иконоборчества, построен на пути «туда–обратно»: Константинополь–Рим–Константинополь. Император Лев III, иконоборец, низложив патриарха Германа, устроил гонение на иконы, но священнику удалось забрать с собой образа Спасителя и Богородицы. Сначала он отправляет в Рим икону Христа: опускает в морские воды икону Спасителя со словами: «Наставниче, Наставниче, спаси Себе и нас» (с. 342). За один день и одну ночь плавания икона достигла

¹ В традиции устных народных преданий вода имеет особую семантику [Криничная, 1987; Еремина, 1991; Славянская мифология: Энциклопедический словарь, 1995; Власова, 2000].

² Далее страницы указаны в круглых скобках.

«ветхаго Рима». Папа, которому ночью явилась икона во сне, на корабле со своим клиром вышел во сретение Спасителя образа, «и егда быша в устье реки, в море входящей, узреша икону прямоходно по водам шествующую и исполнишася ужаса и радости». Он обратился к иконе «со слезами: “Аще къ намъ недостойнымъ пришесть еси, Владыко, молимъ убо Тя, якоже преславно по водамъ ходилъ еси, сице и на наши възды рече: не смеемъ со своими устремлении тебе прикоснутися”. И абие икона от моря на воздухъ подьяся, и паки птица летая, на руки архиреевы прииде» (с. 342). Папа пронес ее по всему городу, «дабы от всего народного множества видена будет», поставил в церкви св. Петра.

Путь другой иконы, Богородицы, в «Сказании о Римской, Лидской, иконе» отчасти повторяет дорогу, пройденную образом Спасителя. Патриарх Герман, находящийся в изгнании, тоже отправляет накануне своей кончины икону Богородицы в Рим, сопроводив свой дар посланием папе Григорию, «первопрестольнику Римскому». Оплавав ее со словами «Иди, Владычице, иди и спасайся... Преиди сие великое и пространное море плаваемъ безбеднымъ, носиши бо Сотворшаго небо, и землю, и море», он пускает икону на море, и «поплоче икона скорее летания орля и единымъ днемъ и нощию достиже Рима» (с. 343). Икона не возвращается в Иерусалим, не спасается в Египте, а направляется по наказу Германа в Рим к благочестивым христианам.

Икона прибыла по морским водам к устью Тибра, и все увидели ее «прямо на водах стоящую и к ним грядущую». Папа Григорий, который накануне был извещен во сне о пришествии чудотворной иконы, вышел «во сретение». Она сама «взошла» на простертые руки священника, который с великой радостью ее принял, пронес по всему Риму и поставил внутри алтаря в церкви апостола Петра. Рассказы о «пришествии» в Рим икон Спасителя и Богородицы представляют собой диптих, построенный на почти дословном совпадении эпизодов. Такой повтор должен восприниматься как единение божественных сил, укрепляющее христианскую веру. Но «биография» иконы Богородицы усложнена дальнейшими перипетиями: она возвращается в Константинополь через 112 лет, когда при царе Михаиле иконопочитание было восстановлено. Интенция движения исходит от самого Образа. Вдруг икона на глазах у всех «нача сама о себе часто колебаться, никем же движима», и было так «во многи дни», что приводило римлян в удивление и порождало страх грядущего наказания. Однажды во время церковной службы, на которой присутствовал папа Сергей, икона «помале воздвигшися и звукъ движениемъ своимъ сотворивши, взяся на воздухъ съ места своего... и помале вонь из церкви исходящи... она же шедши на реку Тиверь, низпустися на воды и поплоче к морю» (с. 344). Прихожане, пораженные увиденным, последовали за иконой во главе с папой, который горькими словами: «Увы нам, о Царице Госпоже! Куда отходишь от нас...», – провожал образ с мыслями о том, что теперь и Рим должна постичь иконоборческая ересь. Уже «во утрие» икона «достиже Константина града, и въ пристанищи близ палат царскихъ обретесе. Взята же бывши от воды благоверными тамо прилучившимися мужи» (с. 344). Впоследствии в иконе узнали список с Лидской иконы, который был сделан для патриарха Германа, поставили в церковь Пресвятой Богородицы в Халкопатии и назвали иконой Римской. Возвращение иконы в Константинополь в христианской мифологии означало поддержку Богородицей греческой Церкви.

Легендарные сказания, как правило, коррелировались историческим контекстом. Двигатель сюжета этого сказания – иконоборческий императив. Реальное географическое пространство измерялось длительностью пути во времени: от Константинополя до Рима – день и ночь, от Рима до Константинополя – одна ночь. Путь по морю, как правило, длинный, но время передвижения иконы по нему течет быстро, измерение «день–ночь» условно и мифологично. Как правило, в поэтике древнерусского эпоса огромные пространства сжимаются во времени, и далекое становится близким. «Мир подчинен в сознании средневекового чело-

века единой пространственной схеме, всеохватывающей, недробимой и как бы сокращающей все расстояния, в которой нет индивидуальных точек зрения на тот или иной объект, а есть как бы надмирное его осознание – такой религиозный подъем над действительностью, который позволяет видеть действительность не только в огромном охвате, но и в сильном ее уменьшении» [Лихачев, 1979, с. 340]. Сжатие пространства и времени как бы увеличивает очертания икононического образа. Рим и Константинополь, «говорит» легенда, находятся близко, это единый христианский мир с двумя равнозначными, равновеликими сторонами. Травеложный сюжет, построенный на передвижениях Образа, как правило, заканчивается устойчивым эпизодом – поставлением иконы в храме, «жилиже Божи-ем».

Другая икона, вынужденная путешествовать по воде, – Иверская «Одигитрия» – тоже связана с эпохой иконоборчества. Существуют три варианта сказания [Сказание, 1989, с. 362–365; Шмидт, 1967, с. 335–336]. По одной из версий, в Никее некая вдова, скрывая образ от иконоборцев, ночью опускает его в море, умоляя Богородицу избавить ее от гнева царя, а икону от потопления. Икона встала на воде и устремилась на запад. Спустя много лет ее увидели иноки Иверского монастыря стоящей на воде и излучающей яркий свет. Подойти к ней по воде и принять на руки смог только один благочестивый старец. Подобный эпизод явления иконы известен в сказании о Толгской иконе: ночью Трифон, епископ ростовский и ярославский, увидел яркий свет, озаривший окрестный лес, и, перейдя реку по неожиданно появившемуся мосту, обнаружил лучезарную икону, стоящую «на воздухе».

Архетипичный мотив плавания святого с иконой по реке (например, Сказание о Муромской иконе) стал топосом повествований как устной, так и письменной агиографической традиции [Рыжова, 2009, с. 68–71].

Если путь иконы по морю, как правило, длинный, то дистанция ее передвижения по воздуху коротка. Разграничивая «путь» и «движение», заметим, что у пути есть вектор, у пути есть начало и конец, маршрут, движение же энтропийно, оно есть «основное свойство, основной признак жизни – и в философском, семиотическом, историческом и т.п., и во вполне обыденном, переживаемом человеком смысле» [Концепт, 1996, с. 6]. Колебание, схождение с места, повороты и другие движения иконы в воздухе воспринимаются как чудо. «Движение... усложненное, с постоянными поворотами и возвращениями, распадается на разновеликие отрезки пути, которое трудно сложить в один путь», отметила Т.В. Цивьян, исследуя балканскую модель мира [Цивьян, 1999, с. 5].

По воздуху икона совершает небольшие перемещения. Воздушная стихия, по евангельской мифологии, – пространство «князя [Господа], господствующего в воздухе» (Еф 2: 2), и «мы, оставшиеся в живых... восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе» (1 Фесс 4: 17). В русском языке слово «воз-дух» этимологически связано с «душой», «духом», «дыханием». Воздушная среда – место встречи человеческой души с Богом. Наименьшее сопротивление среды испытывает икона «на воздухе», поэтому ее движения тихи, легки и вольны.

В сюжетах легендарных сказаний перемещения иконы по воздуху знаковы, это сцены «чуда». Например, икона Спасителя сама поднялась от воды «на воздухе» и взошла на руки папы Римского (Сказание о Римской, или Лиддской иконе); Римская икона Богородицы по воздуху «прошла» от храма к морю (Сказание о Римской, или Лиддской иконе); Иверская икона, двигаясь по воздуху, несколько раз перемещалась из алтаря к надвратной стене (Сказание об Иверской иконе); «Образ Пречистой на воздухе» явился над рекою Тихвинкой (Сказание о Тихвинской иконе [Кириллин, 2007, с. 238]); Владимирская икона сошла со своего места и встала посреди церкви на воздухе, ее поставили на прежнее место, но икона снова сошла с этого места и поднялась в воздухе (Сказание о чудесах Владимирской иконы [Сказание, 1987, с. 416–418]); Толгская икона предстала на воздухе

епископу Трифону и т.д. (Сказание о Толгской иконе [Сказание, 1998, с. 400–407]); Абалацкая икона явилась стоящей на воздухе благочестивой вдове Марии в «тонком» сне (Сказание об Абалацкой иконе [Сказание, 2000, с. 369; Ромодановская, 2002, с. 155–178]) и др. Как правило, такие эпизоды в сюжете сказаний обозначают новый этап в «биографии» иконы: либо это обретение святыней места, где обычно строился храм во имя Богородицы, либо это знак, указывающий на «желание» иконы сменить место своего обитания. То есть, перемещение иконы по воздуху, как правило, знаменовало собой в сюжете сказаний начало или конец пути ее странствования. Открыв таким образом сакральную природу иконы, составители сказаний для своих обширных повествований собирали рассказы о чудесах от иконы, которые во многом определяли специфику жанра [Кириллин, 2012, с. 207–214].

Литература

- Власова М.Н. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб., 2000.
- Данилов В.В. О жанровых особенностях древнерусских «хождений» // Труды Отдела древнерусской литературы (Институт русской литературы). М.; Л., 1962. Т. 18.
- Жития святых свт. Димитрия Ростовского. Репринт. 2001. Июнь–август.
- Журова Л.И. Хождение чудотворной иконы в традиции древнерусских легендарных сказаний (В печати).
- Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л., 1991.
- Кириллин В.М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». М., 2007.
- Кириллин В.М. Жанрово-тематические особенности древнерусских сказаний об иконах // Кириллин В.М. Очерки о литературе Древней Руси. Материалы по истории русской патрологии и агиографии. Сергиев Посад, 2012.
- Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М., 1984.
- Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987.
- Левшун Л.В. О слове преображенном и слове преображающем: теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII в. Минск, 2009.
- Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
- Малето Е.И. Хожения русских путешественников. М., 2000.
- Опарина А.А. Эволюция жанра древнерусского хождения и проблемы интертекста в паломнической литературе XVI–XVII вв. // Мировая культура XVII–XVIII как метатекст: дискурсы, жанры, стили: Материалы Межд. науч. симпозиума «Восьмые Лафонтеновские чтения». Серия: «Symposium», вып. 26. СПб., 2002.
- Рыжова Е.А. Архитектоника русской агиографии: композиционный эпизод «выбор места основания монастыря или храма» (Мотив «плавание святого» в контексте устной традиции) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2009.
- Сказание о иконе Богоматери Иверской // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2.
- Сказание о иконе Богоматери Толгской // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3.
- Сказание о чудесах Владимирской иконы // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. (IX–первая половина XIV в.).
- Сказание о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома. Сер.: Источники Сибири. Первоисточники. Новосибирск, 2000.
- Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995.

Ромодановская Е.К. Сказание о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы // Ромодановская Е.К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. (Избранные труды).

Шмидт С.О. Сказания об афонских монастырях в новгородской рукописи XVI века // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967.

Цивьян Т.В. Движение и Путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М., 1999.